

УДК 343.8(094)(574)

DOI 10.33463/2072-2427.2020.15(1-4).2.168-178

КУАНЫШ ЖЕТПИСОВИЧ БАЛТАБАЕВ,

доктор юридических наук,
профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева,
г. Астана, Республика Казахстан,
e-mail: baltabaev48@mail.ru;

ЮРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ДРОКИН,

старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева,
г. Астана, Республика Казахстан,
e-mail: drokinjurij@rambler.ru

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН И ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ

Для цитирования

Балтабаев, К. Ж. Проблемы уголовно-исполнительного законодательства Республики Казахстан и его применения / К. Ж. Балтабаев, Ю. Н. Дрокин // Уголовно-исполнительное право. – 2020. – Т. 15(1–4), № 2. – С. 168–178. – DOI : 10.33463/2072-2427.2020.15(1-4).2.168-178.

Аннотация. В статье рассматривается проблема необходимости научно обоснованного закрепления в уголовном и уголовно-исполнительном праве Казахстана иных мер уголовно-правового воздействия. Отмечается, что понятие «иные меры уголовно-правового воздействия», данное в Уголовном кодексе Республики Казахстан, фрагментарно и не соответствует общепринятым представлениям в доктрине уголовного права и законодательной практике зарубежных стран. В статье также исследуются вопросы, касающиеся проблемы пыток в Казахстане. Отмечается, что, несмотря на ратификацию Казахстаном 29 июня 1998 г. Конвенции ООН против пыток и других видов жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, пытки в Казахстане совершаются. Условием, способствующим применению пыток, по мнению авторов, является несовершенство законодательства, которое не позволяет осуществлять надлежащий государственный и общественный контроль за деятельностью органов, исполняющих наказание в виде лишения свободы и заключение под стражу. Авторы поддерживают мнение Комитета ООН против пыток о необходимости передачи уголовно-исполнительной системы Казахстана из ведения Министерства внутренних дел гражданскому ведомству, а медицинское обслуживание мест заключения –

© Балтабаев К. Ж., Дрокин Ю. Н., 2020

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

в ведение Министерства здравоохранения. Кроме того, в статье на обсуждение выносится проблема расширения предмета уголовно-исполнительного права.

Ключевые слова: иные меры уголовно-правового воздействия, пытки, уголовно-исполнительная система, наказания, предмет уголовно-исполнительного права.

При определении задач в ст. 2 Уголовного кодекса Республики Казахстан (далее – УК РК) указано на то, что обозначенные задачи этого нормативного акта реализуются установлением наказания и иных мер уголовно-правового воздействия за совершение уголовных правонарушений, то есть преступлений или уголовных проступков. В ст. 2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) наряду с наказанием упоминаются меры уголовно-правового характера. Мы поддерживаем мнение о том, что между словами «воздействия» и «характера» принципиальных различий нет, хотя отдельные авторы придают этому существенное значение при решении вопроса о возможности реализации уголовной ответственности [1, с. 7].

Согласно ч. 4 ст. 48 УК РК, посвященной конфискации имущества, в случаях, предусмотренных разд. 15 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан (далее – УПК РК), конфискация имущества может применяться по решению суда как мера уголовно-правового воздействия. В разд. 15 УПК РК «Производство о конфискации до вынесения приговора» регламентируется процедура конфискации имущества до вынесения приговора по уголовному делу. Обращает на себя внимание то, что в указанном разделе и в целом в УПК РК не определяется понятие «меры уголовно-правового воздействия». Из двух мер уголовно-правового воздействия в УК РК до 10 января 2018 г. лишь наказанию были посвящены разделы Общей части «Наказание» и «Назначение наказания». Что касается иных мер уголовно-правового воздействия, то они были упомянуты только в двух указанных выше случаях. Возникает вопрос, на каком основании в УПК РК без ее определения в материальном или процессуальном праве применяется понятие «мера уголовно-правового воздействия».

В Уголовно-исполнительном кодексе Республики Казахстан (далее – УИК РК), принятом 5 июля 2014 г., в названиях трех глав наряду с наказаниями указаны и иные меры уголовно-правового воздействия. Так, гл. 1, 2, 4 называются соответственно «Законодательство Республики Казахстан, определяющее порядок исполнения наказаний и иных мер уголовно-правового воздействия», «Общие вопросы исполнения наказаний и иных мер уголовно-правового воздействия», «Компетенция государственных органов в сфере исполнения наказаний и иных мер уголовно-правового воздействия».

Большой интерес проблема иных мер уголовно-правового характера вызвала у специалистов после принятия Федерального закона от 27 июня 2006 г. и в связи с появлением в УК РФ разд. VI «Иные меры уголовно-правового характера». Этот раздел включает в себя гл. 15 «Принудительные меры медицинского характера» и гл. 15.1 «Конфискация имущества», позже появилась гл. 15.2 «Судебный штраф». Таким образом, российский законодатель признал мерами уголовно-правового характера принудительные меры медицинского характера, конфискацию имущества и судебный штраф. Данная законодательная новелла не решила окончательно все вопросы рассматриваемой проблемы, а еще более усугубила их, и дискуссии в специальной литературе в настоящее время продолжают [2–4].

Законом Республики Казахстан от 10 января 2018 г. № 132-VI в УК РК были внесены изменения. Раздел 7 Общей части стал называться «Принудительные меры медицинско-

го характера. Иные меры уголовно-правового воздействия», и в нем появились ст. 98-1 «Принудительный платеж» и ст. 98-2 «Размер принудительного платежа». Изменения в разд. 7 Общей части УК РК связаны с тем, что 10 января 2018 г. был принят Закон Республики Казахстан «О Фонде компенсации потерпевшим». Согласно ему источниками формирования Фонда компенсации потерпевшим являются неналоговые поступления, к которым относятся, наряду с другими источниками, и принудительные платежи, взыскиваемые судом с осуждаемых лиц. Размер принудительного платежа зависит от вида уголовного правонарушения и категории совершенного преступления.

Согласно ст. 98-1 УК РК в целях защиты прав и законных интересов потерпевших с виновного лица, совершившего уголовное правонарушение, взыскивается принудительный платеж в виде фиксированной денежной суммы. Размер принудительного платежа определен ст. 98-2 УК РК и составляет:

- 1) за уголовные проступки – пять месячных расчетных показателей;
- 2) преступления небольшой тяжести – десять месячных расчетных показателей;
- 3) преступления средней тяжести – пятнадцать месячных расчетных показателей;
- 4) тяжкие преступления – двадцать месячных расчетных показателей;
- 5) особо тяжкие преступления – тридцать месячных расчетных показателей.

Месячный расчетный показатель, установленный Законом Республики Казахстан от 30 ноября 2017 г. «О республиканском бюджете Республики Казахстан на 2018–2020 годы», определен в размере 2405 тенге. Исходя из этого в национальной валюте Казахстана размер принудительного платежа будет составлять:

- 1) за уголовные проступки – 12 025 тенге;
- 2) преступления небольшой тяжести – 24 050;
- 3) преступления средней тяжести – 36 075;
- 4) тяжкие преступления – 48 100;
- 5) особо тяжкие преступления – 72 150 тенге.

Возникает вопрос о юридической природе принудительного платежа. Признать эту меру наказанием нельзя, так как законодатель не упоминает ее в системе наказаний. Если признавать ее мерой уголовно-правового воздействия, то в ней присутствует элемент кары, ограничение имущественного права виновного, что является неотъемлемым содержанием наказания.

В Конституции Республики Казахстан одним из принципов правосудия закреплен принцип, согласно которому никто не может быть подвергнут повторно уголовной или административной ответственности за одно и то же правонарушение (подп. 2 п. 3 ст. 77). В создавшейся ситуации с введением принудительного платежа суд, кроме наказания, назначает эту новую меру и, таким образом, новое понятие «принудительный платеж» становится противоречащим норме Основного закона Республики Казахстан.

На наш взгляд, казахстанскому законодателю необходимо определиться в уголовном законодательстве с понятием мер уголовно-правового воздействия. В настоящее время нарушен научный принцип классификации понятий в УК РК: видовое понятие «принудительные меры медицинского характера» включает в себя родовое понятие «иные меры уголовно-правового воздействия», что недопустимо с точки зрения научной классификации понятий и явлений. Законодатель Республики Казахстан не определяет само понятие «иные меры уголовно-правового воздействия» и их виды. Между тем это необходимо не только для решения уголовно-правовых и уголовно-процессуальных вопросов, но и для регламентации положений уголовно-исполнительного права.

В научно-теоретической модели Общей части УИК РФ, разработанной учеными-пенитенциаристами России под руководством профессора В. И. Селиверстова, отмечается необходимость регламентации в этой отрасли права вопросов исполнения и отбывания не только уголовных наказаний, но и мер уголовно-правового характера. Одной из причин разработки научно-теоретического проекта УИК РФ, по мнению профессора В. И. Селиверстова, является незавершенность кодификации уголовно-исполнительного законодательства из-за неурегулированности мер уголовно-правового характера [5, с. 4]. К иным мерам уголовно-правового характера российские ученые относят: условное осуждение, условно-досрочное освобождение от отбывания наказания, отсрочка отбывания наказания, отсрочка отбывания наказания больным наркоманией, принудительные меры воспитательного характера, применяемые к несовершеннолетнему осужденному. Вопрос о видах мер уголовно-правового воздействия (характера) является дискуссионным. Не вникая глубоко в эту проблему, хотелось лишь отметить то, что, на наш взгляд, более правильной является позиция Е. Медведева. Он определяет иные меры уголовно-правового характера как назначаемые за совершение преступлений меры уголовно-правового принуждения, выражающиеся в правоограничениях некарательного свойства, выступающие в роли средств, дополняющих наказание, или в качестве его альтернативы в случаях, когда его применение недостаточно или нецелесообразно для реализации задач уголовного закона [6]. По мнению этого автора, иные меры уголовно-правового характера должны быть средствами уголовного принуждения: 1) применяемыми за совершение общественно опасных деяний (преступлений, а не за какое-либо иное уголовно-правовое поведение); 2) имеющими самостоятельное социально-правовое значение. Последнее означает, что они должны: а) иметь собственные цели; б) обладать специфическим принудительным воздействием, отличающимся по содержанию от наказания и других мер ответственности в уголовном праве; в) отличаться от них правовыми последствиями [6, с. 48]. Он приходит к выводу о том, что «...из всех предусмотренных УК РФ средств, применяемых за совершение преступлений, под признаки иных мер уголовно-правового характера как самостоятельных средств принудительного воздействия, помимо указанных в УК РФ принудительных мер медицинского характера и конфискации имущества, подпадают еще только испытание (условное осуждение) и принудительные меры воспитательного воздействия, применяемые к несовершеннолетним. Они больше других «вписываются» в смысл указанного понятия, при этом обладая всеми необходимыми его конститутивными признаками» [6, с. 49].

На наш взгляд, за основу в этой дискуссии можно было бы взять положение закона о том, что наказание и иные меры уголовно-правового воздействия являются формами реализации уголовной ответственности. В свою очередь, по содержанию понятие «меры уголовно-правового воздействия (характера)» шире понятия «меры уголовной ответственности» и включает в себя последние в различных формах их реализации [3, с. 21]. Следует согласиться и с тем, что в механизме реализации уголовной ответственности присутствует жесткая связь между уголовно-правовым поведением и его уголовно-правовыми последствиями (собственно уголовной ответственностью), в механизме применения мер уголовно-правового характера такая связь может отсутствовать [5, с. 2].

«В самом общем виде, – пишет С. И. Курганов, – меры уголовно-правового характера можно определить как предусмотренные законом меры, применяемые судом к лицам, совершившим преступления. По основаниям применения их можно разделить на две группы: меры, применяемые за совершение преступлений, то есть меры, являющиеся

формой реализации уголовной ответственности, и меры, не связанные с реализацией уголовной ответственности, применяемые по иным основаниям [2, с. 33].

Прослеживается жесткая связь совершенного преступления с назначенным в последующем наказанием, и это является реализацией уголовной ответственности. Таким образом, применение иных мер уголовно-правового воздействия (характера) может быть формой реализации уголовной ответственности, но может и не являться таковой. Согласно ч. 1 ст. 521 УПК РК суд, признав доказанным, что деяние, запрещенное уголовным законом, совершено данным лицом в состоянии невменяемости или что это лицо после совершения запрещенного уголовным законом деяния заболело психическим расстройством, делающим невозможным назначение или исполнение наказания, выносит постановление в соответствии со ст. 16 и 75 УК РК об освобождении этого лица соответственно от уголовной ответственности или наказания и о применении к нему принудительной меры медицинского характера и какой именно.

Из числа принудительных мер медицинского характера формой реализации уголовной ответственности является только такая мера, как амбулаторное принудительное наблюдение и лечение у психиатра, предусмотренное ч. 2 ст. 93 УК РК. В этой норме закреплено положение о том, что лицам, осужденным за уголовные правонарушения, совершенные в состоянии вменяемости, но нуждающимся в лечении от алкоголизма, наркомании или токсикомании либо в лечении психических расстройств, не исключающих вменяемости, суд, наряду с наказанием, может назначить принудительные меры медицинского характера в виде амбулаторного принудительного наблюдения и лечение у психиатра.

Учитывая изложенное, можно иные меры уголовно-правового воздействия определить как реализацию уголовной ответственности за совершение уголовных правонарушений, выражающуюся в правоограничениях некарательного свойства, являющихся производными от других институтов уголовного права и выступающих в роли средств, дополняющих наказание, или в качестве его альтернативы.

В УК РК следует предусмотреть, на наш взгляд, такие виды иных мер уголовно-правового воздействия, как принудительные меры воспитательного воздействия, принудительные меры медицинского характера, условное осуждение, отсрочка отбывания наказания, конфискация имущества. В связи с этим в УИК РК следует сформировать раздел, предусматривающий порядок и условия исполнения и отбывания мер уголовно-правового воздействия.

В Казахстане первый УИК РК был принят в 1997 г., в настоящее время действует УИК РК от 5 июля 2014 г. Эти кодексы ориентированы на Конституцию Республики Казахстан, принятую на республиканском референдуме 30 августа 1995 г., а также на международные правовые акты по правам человека и обращению с заключенными. Республика Казахстан 29 июня 1998 г. ратифицировала Конвенцию ООН против пыток и других видов жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания (далее – Конвенция ООН против пыток).

В 2001 г. Казахстан представил свой первый доклад о выполнении Конвенции ООН против пыток, в ноябре 2008 г. состоялось рассмотрение второго доклада Республики Казахстан о выполнении Конвенции ООН против пыток. Постановлением Правительства РК от 27 ноября 2018 г. утвержден четвертый периодический доклад о мерах, принятых Республикой Казахстан в целях осуществления Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (далее – четвертый периодический доклад). В этом докладе Казахстан отчитывается по

замечаниям Комитета против пыток по третьему докладу от 12 декабря 2014 г. К сожалению, пытки в исправительных учреждениях и в период досудебного расследования в Казахстане имеют место.

Как следует из четвертого периодического доклада в 2015 г., специальные прокуроры расследовали 217 дел о пытках, из них 185 – прекращено по реабилитирующим основаниям, 11 – направлено в суд. В 2016 г. специальные прокуроры расследовали 201 дело о пытках, из них прекращено по реабилитирующим основаниям 158, 10 – направлено в суд, 10 дел рассмотрено с вынесением приговора в отношении 15 лиц, из которых 3 оправданы, 12 – осуждены к лишению свободы (9 – к реальным срокам, 3 – условно). В 2017 г. специальные прокуроры расследовали 219 дел, из них 156 – были прекращены по реабилитирующим основаниям. Рассмотрено с вынесением приговора 12 дел в отношении 24 лиц, из которых 11 – оправданы, 11 – осуждены к лишению свободы, 2 – к ограничению свободы. За 6 месяцев 2018 г. в производстве находилось 69 дел, из них 48 – прекращено по реабилитирующим основаниям. Рассмотрено с вынесением приговора 2 дела в отношении 5 лиц, которые осуждены к лишению свободы (<http://adilet.zan.kz/rus/docs/P1800000789>).

Таким образом, из 637 уголовных дел, возбужденных с 2015 по 2017 год, было направлено в суд 33 уголовных дела. Из всех возбужденных уголовных дел о пытках 499 дел прекращены по реабилитирующим основаниям, что составляет 78,3 %. Такой высокий процент прекращенных уголовных дел по реабилитирующим основаниям настораживает. На наш взгляд, есть серьезные причины, препятствующие наступлению ответственности виновных в совершении пыток. Конечно, нельзя отрицать и тот факт, что некоторые виновные могут в ответ на законные требования органов уголовного преследования и сотрудников исправительных учреждений подавать жалобы на якобы совершенные пытки. С января 2015 до ноября 2018 г. за правонарушения, связанные с пытками, было осуждено, в том числе к лишению свободы, 63 сотрудника правоохранительных органов. На срок от 1 года до 3 лет лишения свободы осуждены 33 сотрудника, от 3 до 5 лет – 8, от 5 до 7 лет – 3, от 7 до 9 лет лишения свободы – 3 сотрудника (<http://adilet.zan.kz/rus/docs/P1800000789>).

Одной из причин недоказанности пыток является то, что в исправительных учреждениях медицинские части подчинены администрации исправительных учреждений и следственных изоляторов. Это создает условия для физической расправы администрацией напрямую или с использованием других заключенных с лицами, обоснованно и последовательно отстаивающими свои права и законные интересы и желающими добиться справедливости в вышестоящих и надзорных органах. Зависимые врачи не могут дать объективное заключение по физическому состоянию лиц, подвергшихся насилию со стороны администрации. В результате, когда информация о жестоком обращении поступает в соответствующие органы для расследования и наказания виновных, дело упирается в отсутствие заключения врача по факту насилия. Таким образом, виновные лица уходят от ответственности за пытки и жестокое обращение с заключенными. Для решения этой проблемы необходимо перевести медицинскую службу из ведения МВД РК в структуру Министерства здравоохранения Республики Казахстан (<http://adilet.zan.kz/rus/docs/P1800000789>). В заключительных замечаниях от 12 декабря 2014 г. к третьему докладу Казахстана о выполнении Конвенции ООН против пыток Комитет против пыток рекомендовал передать полномочия по управлению медицинским обслуживанием в изоляторах временного содержания и исправительных учреждениях Министерству здравоохранения.

Одной из главных причин того, что в исправительных учреждениях и следственных изоляторах ненадлежащим образом расследуются дела о пытках, является то, что указанные учреждения находятся в ведении МВД РК. С 2004 по 2011 год пенитенциарная система находилась в системе Министерства юстиции Республики Казахстан, а не в МВД РК, и в тот период, по свидетельству членов национального превентивного механизма, нарушений прав осужденных и лиц, находящихся в местах лишения свободы, было меньше, и они были не столь вопиющими. По этому поводу в заключительных замечаниях от 12 декабря 2014 г. к третьему докладу Казахстана о выполнении Конвенции ООН против пыток Комитет против пыток выразил свою обеспокоенность тем, что, когда места лишения свободы входят в ведение министерства, которому подчиняются полиция и силы внутренней безопасности, это побуждает следственные органы использовать помещение под стражу в качестве инструмента следственной процедуры или средства принуждения заключенных дать признательные показания в отношении выдвигаемых против них обвинений и тем самым увеличивает риск применения пыток и жестокого обращения в таких местах лишения свободы. Комитет повторно рекомендует государству-участнику вывести из подчинения Министерства внутренних дел все места лишения свободы и предварительного содержания под стражей, в том числе тюрьмы, изоляторы временного содержания (ИВС) и следственные изоляторы (СИЗО). Такая мера соответствовала бы международным нормам и ограничивала бы попытки работающих в местах лишения свободы должностных лиц применять пытки и жестокое обращение (<http://adilet.zan.kz/rus/docs/O1400000002>). Правительства Казахстана на это замечание никаких комментариев в очередном четвертом докладе не дает.

В заключительных замечаниях от 12 декабря 2014 г. Комитет против пыток выразил обеспокоенность по поводу того, что сотрудники правоохранительных органов, обвиненные в совершении деяний, представляющих собой пытки, часто преследуются в судебном порядке за злоупотребление должностными полномочиями и превышение власти или должностных полномочий по ст. 361, 362 УК РК, которые предусматривают наказание в виде лишения свободы до 5 лет, и по ст. 110 УК РК (истязание), которая запрещает «причинение физических или психических страданий путем систематического нанесения побоев или иными насильственными действиями» и в соответствии с которой применение пыток является отягчающим обстоятельством. Кроме того, Комитет против пыток обеспокоен тем, что лишь небольшое число лиц были признаны виновными в применении пыток. Комитет также обеспокоен сообщениями о случаях, когда лица, признанные виновными в применении пыток в соответствии с УК РК, тем не менее подвергались крайне мягкому наказанию, такому как условное наказание и условно-досрочное освобождение.

Эти замечания Комитета по пыткам Казахстан еще не выполнил. В ст. 63 (условное осуждение) и ст. 72 (условно-досрочное освобождение) в перечне деяний, за которые они не должны применяться, пытки не указаны. Однако Казахстаном были предусмотрены другие изменения, которые ужесточили условия ответственности за пытки. Например, в июле 2018 г. одним из законодательных изменений стал запрет на освобождение от уголовной ответственности по ст. 146 УК РК (пытки) в связи с примирением и деятельным раскаянием. С января 2015 г. указанная статья также отнесена к категории преступлений, на которые не распространяются амнистия и истечение сроков давности привлечения к уголовной ответственности. В УК РК 2014 г. ужесточены санкции за преступления в виде пыток, которые теперь достигают 12 лет лишения свободы, если деяния повлекли за собой по неосторожности смерть человека, ранее максимальный срок в таких случаях ограничивался десятью годами.

Представляется, что необходимо исключить применение к лицам, совершившим пытки, условного осуждения, условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, а также замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания.

Общественный контроль за деятельностью исправительных учреждений осуществляется через общественные наблюдательные комиссии (далее – ОНК) и членов национального превентивного механизма. К сожалению, в законодательстве предусмотрены нормы, препятствующие их деятельности. Так, в ч. 2 ст. 39 УИК РК закреплено, что ОНК обязана не менее чем за одни сутки уведомлять начальника учреждения или органа, исполняющего наказание, о планируемом посещении. Иными словами, внезапные посещения без специального на то разрешения ОНК осуществлять не могут. Между тем именно внезапные посещения и возможность их реализации могли бы создать надежный барьер угрозам пыток и жестокому обращению с осужденными.

Несмотря на то что 19 сентября 2002 г. Указом Президента РК учреждена должность Уполномоченного по правам человека (омбудсмена), Комитет по пыткам выражает сомнения в независимости этого правозащитного органа. По мнению Комитета, государству-участнику следует обеспечить независимость управления Уполномоченного по правам человека (омбудсмена) путем закрепления его создания в конституционном или ином нормативно-правовом акте и расширить его полномочия, с тем чтобы оно могло эффективно работать во всех районах в рамках своей расширенной роли в качестве национального правозащитного учреждения в соответствии с Принципами, касающимися статуса национальных учреждений по защите и поощрению прав человека (Парижскими принципами), и в качестве Национального превентивного механизма в соответствии с Факультативным протоколом к Конвенции. Отмечается, что государству-участнику следует изучить вопрос о том, чтобы разрешить этому механизму публиковать свои выводы и рекомендации вскоре после осуществления проверок, а не исключительно на ежегодной основе, и обеспечить, чтобы члены этого механизма и население в целом могли оценивать ход выполнения этих рекомендаций. Ежегодный и другие доклады этого механизма не должны изучаться и утверждаться Президентом РК до их публикации (<http://adilet.zan.kz/rus/docs/O1400000002>).

На втором ежегодном отчете Коалиции НПО Казахстана против пыток члены этого сообщества высказали свои замечания по выполнению Казахстаном своих обязательств перед Комитетом против пыток. Комитет выразил озабоченность, нашедшую подтверждение в рекомендациях, о приведенной Коалицией практике автоматического предъявления не добившимся успеха заявителям, жаловавшимся на пытки или жестокое обращение, обвинения в заведомо ложном доносе о совершении преступления, а также вернул рекомендацию по неполучению пострадавшими от пыток или жестокого обращения полной компенсации вреда. И самое главное, Комитет поднял вопрос, который Коалиция не снимает с повестки дня с 2011 г., о переводе учреждений уголовно-исполнительной системы, следственных изоляторов, изоляторов временного содержания из Министерства внутренних дел Республики Казахстан в Министерство юстиции Республики Казахстан, либо Комитет предлагает изучить возможность создания отдельного института.

Как отметили представители НПО, на сегодняшний день нельзя говорить о полном или даже о 50 %-м выполнении рекомендаций Комитета ООН по правам человека. Большинство этих рекомендаций остались невыполненными, но еще и по целому ряду направлений, касающихся законодательного обеспечения, институционального развития и практического воплощения международных стандартов в области прав человека,

ситуация значительно ухудшилась. Деятельность существующего национального учреждения по правам человека – института Уполномоченного по правам человека РК – до сих пор не приведена в соответствие с Парижскими принципами. В 2016 г. в Казахстане учрежден институт Уполномоченного по правам ребенка, который также не соответствует Парижским принципам, поскольку учрежден не законом, а Указом Президента РК о его назначении (<http://adilet.zan.kz/rus/docs/O1400000002>).

Необходимо также затронуть проблему расширения предмета уголовно-исполнительного права. В нашем диссертационном исследовании, подготовленном под руководством А. С. Михлина, было высказано мнение о том, что, независимо от отраслевого характера изоляции человека от общества, он находится в замкнутом пространстве – специальном, определенном законодательством учреждении [7, с. 15–16]. Минимальные стандартные правила ООН в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы), принятые 17 декабря 2015 г. Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 70/175, в Предварительных замечаниях 3 указывают на то, что ч. I Правил касается общего управления тюрьмами и применима ко всем категориям заключенных, независимо от того, находятся ли последние в заключении по уголовному или гражданскому делу, под следствием или осуждены, включая заключенных, являющихся предметом мер безопасности или исправительных мер, назначенных судьей. В ч. II излагаются правила, применимые к особым категориям, о которых говорится в каждом разделе. Однако правила разд. А, касающиеся заключенных, следует в равной степени применять и к категории лиц, о которых говорится в разд. В, С и D, при условии, что они не противоречат правилам, разработанным для этих категорий, и улучшают положение последних. Таким образом, из этого международного правового акта, признанного во всем мире, следует, что правовой режим пребывания человека в изоляции от общества, независимо от правовых оснований его нахождения там, должен соответствовать международным стандартным правилам. Это означает, что данный документ ООН признает приоритетными во всех этих случаях права заключенного. В Казахстане нормативными актами, регламентирующими права заключенных, являются УИК РК, Закон Республики Казахстан от 30 марта 1999 г. № 353-І «О порядке и условиях содержания лиц в специальных учреждениях, обеспечивающих временную изоляцию от общества» (далее – Закон от 30 марта 1999 г.) и целый ряд ведомственных приказов МВД РК.

Закон от 30 марта 1999 г. регламентирует порядок и условия содержания: лиц, подвергнутых административному аресту; лиц, содержащихся в следственных изоляторах, изоляторах временного содержания, приемниках-распределителях и специальных приемниках. Следственный изолятор – специальное учреждение, предназначенное для содержания:

- подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления, в отношении которых в качестве меры пресечения избрано содержание под стражей;
- осужденных к аресту;
- осужденных к лишению свободы;
- осужденных к лишению свободы, оставленных либо направленных для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию;
- осужденных, прибывших из учреждений в связи с изменением места исполнения наказания в соответствии со ст. 88 УИК РК.

Изолятор временного содержания – специальное учреждение, предназначенное для содержания под стражей лиц, задержанных по подозрению в совершении уголовных правонарушений, а также лиц, подвергнутых административному аресту.

Приемник-распределитель – специальное учреждение органов внутренних дел, предназначенное для приема и содержания лиц, не имеющих определенного места жительства и (или) документов, удостоверяющих личность, при отсутствии в их действиях признаков уголовных и административных правонарушений и невозможности установления их личности иными способами.

Специальный приемник – специальное учреждение органов внутренних дел, предназначенное для приема и содержания лиц, подвергнутых административному аресту.

Таким образом, два нормативных акта – УИК РК и Закон от 30 марта 1999 г. регламентируют порядок и условия пребывания заключенных в изоляции от общества. Как показывает практика, при возникновении проблем по Закону от 30 марта 1999 г. правоприменители ориентируются на УИК РК как правовой акт, где наиболее полно раскрыты нормы пребывания заключенных в неволе. Как нам представляется, следует объединить нормы двух названных нормативно-правовых актов, регламентирующих порядок и условия пребывания заключенных в государственных учреждениях, исполняющих изоляцию от общества.

Мы согласны с мнением о том, что, хотя содержание под стражей как мера пресечения применяется в соответствии с нормами уголовно-процессуального законодательства и служит достижению целей, поставленных этой отраслью законодательства, процесс ее реализации, тем не менее, выходит за рамки регулирования данной отрасли права. Нормы, регулирующие исполнение меры пресечения в виде содержания под стражей, имеют сходство с нормами уголовно-исполнительного законодательства [8, с. 168].

Предлагаемое расширение предмета уголовно-исполнительного права повлияет и на название этой новой комплексной отрасли. В этом вопросе заслуживает внимания предложение российского ученого В. Б. Спицнаделя, по мнению которого, необходимо образовать комплексную отрасль права – пенитенциарное право. Последняя состояла бы из норм собственно уголовно-исполнительного права, административного права в части управления пенитенциарными учреждениями, организационно-правовых основ деятельности пенитенциарных учреждений, порядка прохождения службы сотрудниками пенитенциарных органов и учреждений, а также норм межотраслевого института содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений [9, с. 9]. Указанная позиция автора изложена для дальнейшего обсуждения коллегами затронутой проблемы, и он отдает себе отчет в том, что она требует глубокого изучения.

Библиографический список

1. Российское уголовное право : курс лекций / под ред. А. И. Коробеева. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. Т. 2 : Наказание. 448 с.
2. Курганов С. И. Наказание: уголовно-правовой, уголовно-исполнительный и криминологический аспекты. М. : Велби, Проспект, 2008. 192 с.
3. Звечаровский И. Понятие мер уголовно-правового характера // Законность. 2007. № 1. С. 19–21.
4. Щедрин Н., Востоков А. Уголовная ответственность юридических лиц или иные меры уголовно-правового характера в отношении организаций // Уголовное право. 2009. № 1. С. 58–61.
5. Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования / под ред. В. И. Селиверстова. М. : Юриспруденция, 2017. 76 с.

6. Медведев Е. Понятие и виды иных мер уголовно-правового характера, применяемых за совершение преступлений // Уголовное право. 2009. № 5. С. 46–49.

7. Балтабаев К. Ж. Проблемы соотношения международно-правовых норм и законодательства Республики Казахстан в сфере исполнения наказаний и мер пресечения, связанных с изоляцией от общества : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. 55 с.

8. Кыздарбекова Б. Ж. К вопросу об отраслевой принадлежности норм, регламентирующих исполнение меры пресечения в виде содержания под стражей // Актуальные проблемы дальнейшего развития законодательства в свете реализации конституционных принципов деятельности уголовной юстиции : материалы науч.-практ. конф., 25 мая 2018 г. Астана : Евраз. нац. ун-т им. Л. Н. Гумилева, 2018. С. 168.

9. Спицнадель В. Б. Генезис уголовно-исполнительного права в контексте становления и эволюции пенитенциарной системы России : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2004. 380 с.